

С. А. Пьянков

ССУДА НА КОЛЛЕКТИВИЗМ: ОРГАНИЗАЦИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ АРТЕЛЕЙ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ XIX в.*

Конец XIX столетия в России — время динамичного развития различных форм кооперативных объединений. Наибольшие успехи были достигнуты в области кредитной и потребительской кооперации, несколько сложнее обстояли дела в сфере производства¹. Простейшей формой производственного кооперативного объединения была артель. Представители демократических течений общественной мысли прославляли артельные начинания, искали в артели исконный крестьянский коллективизм, видели в ней решение экономических проблем беднейших слоев населения, пророчили артели успешное будущее.

Первые производственные артели возникли на волне общественного подъема 1860-х гг. Организованные силами отдельных энтузиастов, они активно поддерживались земскими органами самоуправления. Первые артели, созданные при содействии земства, занимались сыроварением. В их организации принимали участие земства Нечерноземной полосы России — Тверское, Ярославское и Новгородское. В 1870-х гг. созданием артелей кустарей занимались Тверское, Костромское, Олонецкое земства².

Попытки организации артельного производства находили теоретическое обоснование в трудах экономистов-народников. Представители легального народничества В. П. Воронцов (1847–1918) и Н. Ф. Даниельсон (1844–1918) положительно оценивали крестьянскую общину и артельную форму организации труда, противопоставляя их капиталистическим формам хозяйства. В артели они видели одну из традиций самобытного хозяйственного раз-

вития России, связывая ее с коллективизмом в массовом сознании населения.³ Близкие идеи высказывали либеральные ученые. В частности, известный экономист А. А. Исаев (1851–1924) разрабатывал «артельную» концепцию развития русской деревни.⁴

Как правило, производственные трудовые артели создавались в среде крестьян, занимавшихся различными промыслами, и кустарей-ремесленников. Что касается земледелия, то артели здесь были редкостью. Распространенные в тот период добровольные крестьянские объединения взаимной помощи, получившие название «помочи», «толока» или «супруга», не создавались на длительный срок, имели сезонный характер и по своей сути не являлись кооперативными объединениями.

В России конца XIX в. лишь в двух губерниях предпринимались масштабные попытки создания земледельческих артелей, причем это было связано с привнесением артельных начал извне. Речь идет о Пермской губернии и о Херсонской губернии, где в 1890-х гг. в результате деятельности народника Н. В. Левитского (1859–1936) происходило массовое создание артелей. Сельскохозяйственные артели Елизаветградского и Александрийского уездов Херсонской губернии финансировались за счет частных благотворительных средств и при поддержке Вольного экономического общества.⁵ В течение 1894–1898 гг. хлопотами Николая Васильевича Левитского было образовано до 125 артелей. В 118 артелях, действовавших в 1897 г., состояло 524 семьи с 3775 десятинами земли, т. е. в среднем в одной артели 4–5 семей обрабатывали 32 десятины земли. Однако деятельность сельскохозяйственных артелей не стала универсальным решением экономических проблем беднейшей части населения. К 1910 г. из 118 артелей сохранилось лишь 16.

¹ См.: Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 33–54.

² См.: Веселовский Б. История земства за сорок лет. СПб., 1909. Т. 2. С. 45–55.

*Пьянков Степан Александрович — к.и.н., н. с. сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: kliostefan@mail.ru*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение № 8361 от 24.08.2012

³ См.: Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 188–191.

⁴ Исаев А. А. Артели в России // Антология социально-экономической мысли в России. Дореволюционный период. СПб., 2000. С. 423–493.

⁵ См.: Доклад комиссии о земледельческих артелях Н. В. Левитского // Тр. императ. Вольного экон. о-ва. СПб., 1896. Т. 1, № 2. С. 162–167.

«Артельный батька» Н. В. Левитский был вынужден признать свою неудачу.⁶

Создание земледельческих артелей в Пермской губернии было связано с катастрофическим неурожаем 1891 г., нанесшим сильнейший удар по крестьянскому хозяйству. Одним из эпицентров неурожая был Шадринский уезд. Идейным вдохновителем создания здесь артелей стал секретарь Шадринской уездной земской управы Н. Г. Федоров (1847–1910).

Николай Григорьевич Федоров был незаурядным человеком. Первоначально его жизненный путь был связан с военным ведомством. С семилетнего возраста он обучался в школе кантонистов, затем отбывал воинскую повинность, которую завершил военным писарем. В 1870-х гг. Н. Г. Федоров приехал в Шадринск, где сначала был занят адвокатурой, а позже поступил на службу в уездное земство. В 1901 г. он переходит на службу в Камышловскую земскую управу. С 1908 г. Федоров состоит на службе в Екатеринбургской городской управе в должности секретаря. В середине 1910 г. Николай Григорьевич был вынужден оставить службу из-за болезни и уехать для лечения туберкулеза в специализированный санаторий, располагавшийся в деревне Халила в Финляндии. Н. Г. Федоров ушел из жизни 21 декабря того же года.⁷

По замыслу Федорова, основной целью создания земледельческих артелей была помощь безлошадным крестьянам в восстановлении их экономической состоятельности. Согласно его проекту, артель должна была состоять из 6 безлошадных хозяев. Один из членов артели избирался старостой, который и руководил работой кооператива. В каждом населенном пункте, где были учреждены артели, назначался особый попечитель, который должен был наблюдать за исполнением условий устава. Имущество артели: лошади, орудия, семена и весь урожай с артельных запашек — должно было находиться в коллективной собственности (а не в собственности каждого хозяйства в отдельности). Урожай артели делился на семенной фонд, на выплату податей, а оставшаяся часть должна была храниться для выдачи ссуд членам артели, нуждающимся в семенах (предполагалось, что артельщики, кроме общей запашки, будут

вести и свое личное хозяйство).⁸ Обосновывая необходимость и выгоду организации артелей, Федоров писал: «...помощь в отдельности каждому бедняку, во-первых, непосильна, во-вторых, безрезультатна. Каждый бедняк в отдельности является очень беспомощной единицей. Дайте ему в руки хоть 100 руб., пользы будет мало. Такая помощь поможет бедняку только временно свободно вздохнуть и отчасти полатиться с долгами. Другой должен быть результат, если мы сплотим бедняков в артель, призовем их к самостоятельности, окажем им единовременную помощь на таких условиях, чтобы они всегда могли бороться с нуждой, если мы укажем им средства, чтобы при всех трудных обстоятельствах они могли получать нужную помощь сами у себя, в своих артелях, и облегчим им средства для платежа продовольственных долгов и других недоимок».⁹

В июне 1892 г. Н. Г. Федоров, используя частные благотворительные средства, организовал 55 артелей: 47 из них состояли из безлошадных домохозяев, 1 — из имевших по одной лошади и 7 артелей было смешанных. Каждая из безлошадных артелей, кроме посевных семян, получила 2 лошади, 2 одноконных плуга Воткинского завода и соху-курашимку, а также простейшие сельскохозяйственные машины (молотилки и веялки).¹⁰

В январе 1893 г. в губернской управе обсуждали насущные хозяйственные потребности населения. Особое совещание земства «с полным сочувствием» отнеслось к проекту Н. Г. Федорова, и губернское земское собрание 23-й очередной сессии выделило ссуду в размере 20 тыс. руб. сроком на 3 года. В 1893 г. в Шадринском уезде было создано 67 артелей. В Екатеринбургском уезде также было учреждено 25 артелей, в которых состоял 101 крестьянин. Три артели из 17 домохозяев было организовано и в Камышловском уезде.¹¹

Общие фактические затраты губернского земства на организацию артелей составили 9 275 руб. 13 коп. — сумма по тем временам

⁶ См.: Файн Л. Е. Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново, 1994. С. 19.

⁷ См.: Н. Г. Федоров (Некролог) // Урал. жизнь. 1910. 23 дек. (№ 281). С. 3.

⁸ См.: Труды совещания при Пермской губернской управе о мерах улучшения экономического положения крестьянского населения Пермской губернии (28 декабря 1892 г.—7 января 1893 г.). Пермь, 1893. С. 626–683.

⁹ Там же. С. 628.

¹⁰ См.: Доклады Пермской губернской управы Пермскому губернскому земскому собранию 24-й очередной сессии. Пермь, 1894. С. 417.

¹¹ Там же. С. 417, 427, 430.

значительная. Остальная часть выделенных средств осталась невостребованной.¹²

Состав попечителей вновь организованных артелей был большей частью безупречен: как правило, это были люди деятельные и незаурядные — в основном земские учителя, врачи, агрономы, сельские священники. Так, например, в Екатеринбургском уезде артели создавались при поддержке известного земского врача А. И. Смородинцева (1855–1918).

О благотворителях в земских отчетах ничего не говорилось, а потому эта сторона артельного дела остается в тени. Отчасти свет на эту проблему проливают материалы полицейского делопроизводства.

Среди организаторов артелей в Шадринском уезде были не только «достопочтенные граждане», но и лица «политически неблагонадежные». Один из них — бывший студент Военно-медицинской академии, впоследствии видный член РСДРП(б) Г. А. Соломон (Исетский) (1868–1942). Документальные свидетельства о его участии в благотворительной деятельности сохранились в материалах личного дела, заведенного Особым департаментом полиции в 1898 г.¹³

В деле, основанном на полицейских донесениях, сообщалось, что Григорий Александрович впервые прибыл в Шадринский уезд Пермской губернии 28 февраля 1892 г., в самый разгар голода, порожденного сильнейшим неурожаем. Соломон обосновался в селе Ново-Петропавловское, где открыл бесплатную столовую для крестьян. В начале сентября 1892 г. он уезжает в Санкт-Петербург, но 14 февраля 1893 г. вновь возвращается на Урал. Очевидно, своими благими делами Григорий Александрович завоевывает доверие в среде местного населения: крестьяне Петропавловской волости выделяют благотворителю 10 десятин земли сроком на 10 лет. Соломон обязался на собственные средства устроить на этой земле лесные насаждения, а по истечении десятилетнего срока безвозмездно передать этот участок во владение крестьян, которые были заняты его обустройством. Кроме того, эти крестьяне получали плату: за один рабочий день мужчинам полагалось 15 коп., женщинам — 10 коп. и детям —

5 коп.; всем работникам также давали горячую пищу. В течение лета 1893 г. на участке были высажены деревья и произведены ирригационные работы.

Также Г. А. Соломон содержал столовую, где ежедневно питалось от 60 до 100 человек; он оказывал бесплатную медицинскую помощь и организовывал земледельческие артели по системе Н. Г. Федорова, выдавая членам артелей лошадей, орудия и семена.

Полиция замечала, что, кроме «хлеба насущного», Соломон снабжал население книгами, «находился в постоянном общении с крестьянами» и приобрел среди местного населения статус «благодетеля и кормильца». Полицейские установили, что бывший студент Военно-медицинской академии получал деньги из Санкт-Петербурга. Кто их высылал — было загадкой, но полученная сумма достигала солидных размеров — 5–8 тыс. руб.

Не осталась незамеченной и личная жизнь Соломона. «Проживая в 1893 г. в Песковской волости, Соломон поддерживал самые тесные и близкие отношения с девицами Марией и Елизаветой Федоровыми, состоящими под негласным надзором. Они также заведовали в этом году столовыми, открытыми на частные пожертвования, и действовали в народе совершенно солидарно с Соломоном. Они весьма часто съезжались и проводили вместе иногда целые сутки. С окончанием летних работ Соломон переселился в город Шадринск. Здесь проживал совместно с девицей Марией Федоровой на одной квартире и имел самые близкие отношения со всеми негласно поднадзорными, проживающими в этом городе, избегая всех иных лиц местного общества. По наблюдению всех благомыслящих лиц, Соломон является личностью подозрительной, крайне ловко достигающей своей цели и лавирующей между народом и наблюдавшей за ним местной властью».¹⁴

Григорий Соломон 8 сентября 1893 г. уехал из Шадринского уезда в Санкт-Петербург, вместе с ним уехала дочь секретаря Шадринской уездной управы Мария Николаевна Федорова. В январе 1894 г. Г. А. Соломон и бывшая слушательница училища лекарских помощниц и фельдшерниц М. Н. Федорова вступили в законный брак.¹⁵ Так завершилась помощь одного из шадринских благотворителей.

¹² См.: Эпilog сельскохозяйственных артелей зауральских уездов Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1904. № 5–6. Отд. 3. С. 33.

¹³ См.: Соломон Г. А. Среди красных вождей. М., 1995. С. 498–506.

¹⁴ Там же. С. 499–504.

¹⁵ Там же. С. 505.

В отличие от средств благотворителей, земские ссуды подлежали возврату. В 1894 г. губернское земство собрало первые сведения о деятельности артелей, чтобы определить их хозяйственную состоятельность. Всего в Шадринском уезде было обследовано 63 артели. На момент создания артелей в них насчитывался 401 член, 85 — вышли из артелей в первый же год их существования, 30 человек было исключено, вновь принято — 45. В итоге к 1894 г. в состав артелей входило 323 крестьянина.

Основное имущество артелей составляли лошади, приобретенные на земский кредит и средства благотворителей. При основании артелей в их пользование было выдано 219 лошадей, одна артель купила лошадь самостоятельно. В первый же год деятельности артелей пало 22 лошади. В отчете губернской земской управы указывалось: «...никому лично не принадлежавшая лошадь не пользуется должным уходом. По частым сведениям, большинство лошадей пало прямо от голода, один из попечителей сообщает, что у артельщиков идет пережидание, который должен работать, тот и корми лошадь, а последний, поработав целый день, передает ее другому, а покормить после трудов не позаботится. Во многих случаях и оставшиеся лошади, по слухам, плохо кормлены и истощены». Попечители артели описывали вступление крестьян в артель как меру вынужденную: «Безлошадные крестьяне смотрят на артель как на неизбежное зло, лежащее на пути к приобретению собственной лошади, возможности стать полным хозяином. Заметна сильная тенденция уравнивать число членов с числом лошадей, что достигается обыкновенно устранением лишних (сверх лошадей) членов».¹⁶

Наряду с хозяйством, земские специалисты изучили и состав семей артельщиков — всего 206 домохозяйств. В среднем, в состав семьи одного артельщика входило 5,2 души обоого пола. Трудоспособные члены семьи составляли 52 % населения дворов (25 % — мужчины и 27 % — женщины). Нетрудоспособные члены (дети и старики) семей артельщиков составляли 48 %. Семьи без работника-мужчины составляли 6 % участников артелей, 63 % участников — самая многочисленная группа — имели 1 работника-мужчину, 31 % — имели в своем составе двух и более работ-

ников-мужчин. Семьям артельщиков был свойствен низкий уровень грамотности: лишь 41 % дворов имел в семье грамотного члена.¹⁷

Не удивительно, что организация коллективных хозяйств в Шадринском уезде сопровождалась распространением разнообразных слухов. Крестьяне рассказывали, что членов артелей будут клеймить и «по вешней воде» вместе с семьями переселят в далекие края или что артельщиков заставят работать «на земщину».¹⁸

Собранные земством статистические данные свидетельствовали, что хозяйства, вошедшие в состав артелей, были экономически неблагополучными и до тяжелого 1891 г. они обладали незначительным количеством домашнего скота, многие не имели земледельческих орудий, обрабатывали небольшие участки земли, а оставшуюся часть земельного надела сдавали в аренду.

Проведенное в октябре 1896 г. земское обследование показало, что все артели после 2-3-летнего существования распались, не выплатив полученные ссуды. Артельное хозяйство велось плохо, быстро менялся состав членов, а на момент обследования общая запашка была повсеместно прекращена. Из 153 лошадей, приобретенных на средства губернского земства, в Шадринском уезде пало 24 %, в Екатеринбургском уезде — 32 %. Главные причины падежа лошадей — непосильные работы и истощение. У многих артелей Шадринского уезда никакой артельной организации труда не существовало с момента их возникновения: получив ссуду, крестьяне покупали лошадь и вели хозяйство самостоятельно.¹⁹

С 1897 г. по 1903 г. земство не предпринимало никаких действий по отношению к участникам артелей. В 1904 г. Пермское губернское земство вновь вспомнило о своих должниках, а уездные управы Шадринского, Екатеринбургского и Камышловского земств исследовали состояние дел бывших артельщиков. Для ревизии в Шадринский уезд был направлен опытный землец, член управы Н. П. Белдыцкий (1869–1928).²⁰ Ревизии подверглись участники 8 бывших артелей.

¹⁷ Там же. С. 423.

¹⁸ Там же. С. 419.

¹⁹ См.: Эпилог сельскохозяйственных артелей... С. 32–34.

²⁰ См.: Красноперов Д. А. К биографии писателя-краеведа Николая Петровича Белдыцкого // Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 37–39.

¹⁶ Доклады Пермской губернской управы... С. 422.

Результаты проверки были опубликованы в «Сборнике Пермского земства». Во всех описанных случаях в качестве основной причины распада артелей участники указывали имущественные споры, как правило, все они ссылались на незнание о ссудных обязательствах. Например, бывшие члены артели из села Далматово описывали работу своего коллектива так: «Да разве это резон сообща владеть лошадьми. Я буду ее кормить, а потом ее другому отдадут, кто не кормит, а только робить будет. Или я почию молотилку, а другой задаром моим трудом воспользуется! Бились мы так с год и отдали молотилку Федору Брагину, он один ею стал пользоваться. А лошади у нас пропали. Да если бы мы знали, что за это станут деньги требовать, то во век не взяли ничего в совместное владение. Только одно разорение. Тогда мы хоша и давали подписку, что обязаны заплатить за все в три года, да нас тут же уверяли, что это только так, а дается все даром, мы и верили. А тут вдруг через десять лет снова требуют, разорить совсем хотят».²¹

Ревизором были вскрыты случаи, когда участники артелей становились жертвами недобросовестных попечителей. Так, артельщики из деревни Подкорытовой Замараевской волости жаловались на своего попечителя и сообщили о том, что ссуду выплатили в полном объеме: «У нашей артели попечителем был писарь Петров. Мы ему долги выплатили, даже гораздо больше, чем получили от земства. Он всем делом руководствовал. Веялку мы почти не видали, в первый же месяц он ее у нас отобрал, а молотилку продал крестьянину Красномыльской волости Г. А. Деулину и говорил нам, что деньги сдал в Шадринскую управу, а правда ли это, мы не знаем. Петров у нас и хлеб отобрал, который тогда родился. Если бы мы знали все это, то во веки веков не вступили бы в эту артель, только разорились от нее. Петров на наши деньги долго пировал».²² Получить земские деньги с «предприимчивого» попечителя было невозможно. Н. П. Белдыцкий выяснил, что писарь Петров мертв, его убили в Тюмени, земскую веялку он

обнаружил возле волостного правления в разрушенном состоянии, где она лежала уже несколько лет.

Несмотря на оказанную земством помощь, экономическое положение бывших артельщиков не изменилось. Как и прежде, многие из них были бедны или числились середняками. Количество домашнего скота и инвентаря в хозяйствах участников артелей было минимальным. Хозяйства этих крестьян так же, как и десять лет назад, балансировали на грани полного упадка: за ними числились недоимки по уплате податей и долги в общественные хлебозапасные магазины.

Изучив положение дел участников бывших земледельческих артелей, Николай Петрович Белдыцкий пришел к однозначному выводу: «По моему глубокому убеждению, земству, должествующему стоять на страже экономических интересов народа, надлежит сложить все эти старые, покрытые 11-ти летним забвением долги». Губернское земство было вынуждено принять это предложение. Эпилогом в истории с организацией сельскохозяйственных артелей стало списание долгов, числившихся за бывшими участниками артелей. Всего земским собранием было «прощено» долгов на сумму 8 371 руб. 42 коп., поводом же стало рождение наследника престола — цесаревича Алексея Николаевича.²³

Подводя итоги, можно сказать, что земские ожидания народнического толка не оправдали себя на практике. Новые способы организации труда, привнесенные извне, чуждые крестьянскому «миру», не укладывались в рамки привычных хозяйственных практик, а потому воспринимались как чрезвычайные и временные. Ставка на социальную общность крестьянства не оправдала себя. Свойственный крестьянству коллективизм отнюдь не означал полного слияния экономических интересов отдельно взятых домохозяйств. Крестьянская семья, удовлетворяя базовые потребности, связанные с обеспечением физического существования, во многом являлась в хозяйственной жизни самодостаточной структурой.

Ключевые слова: *земледельческая артель, Н. Г. Федоров, Г. А. Соломон, индивидуализм, коллективизм, Урал*

²¹ Эпилог сельскохозяйственных артелей... С. 36.

²² Там же. С. 39.

²³ Там же. С. 41.

Stepan A. Pjankov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *kliostefan@mail.ru*

SUBSIDIES FOR COLLECTIVISM: ORGANIZATION OF AGRICULTURAL COOPERATIVE ASSOCIATIONS IN THE URALS AT THE END OF THE 19TH CENTURY

The article deals with the work of supporters of the populist ideology promoting the idea of setting up collective farms using subsidies to be provided by the *zemstvo* (country council) and the charity funds. The author provides biographical data about the organizers of the agricultural cooperative associations — a country council clerk N. G. Fedorov, and a revolutionary G. A. Solomon. It is demonstrated that the theoretical ideas of the populists about the inherent peasants' collectivism failed to be proven in practice: the peasants perceived the cooperative associations as a temporary means for restoring their private households — traditional form of the farmers' work organization; as a result of which the associations were short lived.

Key words: *agricultural artel, N. G. Fedorov, G. A. Solomon, individualism, collectivism, Urals*

REFERENCES

Isaev A. A. *Antologiya sotsialno-ekonomicheskoy mysli v Rossii. Dorevolyutsionnyy period* [Anthology of social and economic thought in Russia. Pre-revolutionary period]. St. Petersburg: RKhGI Publ., 2000, pp. 423–493. (in Russ.).

Korelin A. P. *Kooperatsiya i kooperativnoe dvizhenie v Rossii. 1860–1917 gg.* [Co-operation and co-operative movement in Russia. 1860–1917 years]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009, 391 p. (in Russ.).

Krasnoperov D. A. *Stranitsy proshlogo: Izbrannye materialy kraevedcheskikh Smyshlyayevskikh chteniy v Permi* [Pages of the past: Selected materials of local history Smyshlyayevskikh readings in Perm]. Perm, 1995, pp. 37–39. (in Russ.).

Ryazanov V. T. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii. Reformy i rossiyskoe khozyaystvo v XIX–XX vv.* [The economic development of Russia. The reforms and the Russian economy in the XIX–XX centuries]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1999, 796 p. (in Russ.).

Solomon G. A. *Sredi krasnykh vozhdov* [Among the red leaders]. Moscow: Sovremennik Publ., 1995, 509 p. (in Russ.).

Fayn L. Ye. *Otechestvennaya kooperatsiya: istoricheskiy opyt* [Patriotic cooperation: the historical experience]. Ivanovo: Ivanov. gos. un-t Publ., 1994, 276 p. (in Russ.).